

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/68/9

А. А. Тулякова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

Джон Рескин в «Круге чтения» Л. Толстого: о творческой истории легенды «Большая Медведица (Ковш)»

Рассматривается творческая история легенды «Большая Медведица (Ковш)», входящей в состав свода мудрых мыслей Л. Н. Толстого «Круг чтения» в качестве одного из «недельных чтений». Сопоставляются впервые обнаруженный английский оригинал текста и авторский перевод писателя. Анализ легенды в культурно-биографическом контексте показывает, в каком направлении Л. Толстой правил чужие тексты и какие причины побудили его обратиться к ним. Выявлено, что дополнительной причиной интереса Толстого к английской легенде могла стать сказка Д. Рескина «Король золотой реки» со сходной проблематикой. В целом разделяя многие идеи английского философа, Л. Толстой критикует его религиозный опыт, отличный от толстовского понимания веры. Показано, каким образом писатель трансформировал религиозные мотивы легенды в соответствии с собственной религиозной этикой.

Ключевые слова: Л. Толстой, «Круг чтения», Джон Рескин, «недельные чтения», легенда, религия, засуха.

«Круг чтения» (1906, 1908) – свод мудрых мыслей, над которым Л. Толстой работал в течение последних десятилетий своей жизни. Содержание «Круга чтения» гетерогенно: он включает в себя как афоризмы, так и фикциональные и публицистические тексты, восходящие к творчеству других авторов и составляющие корпус «недельных чтений». Существующие комментарии и исследования проясняют генезис афоризмов, наполняющих каждый день года¹, в то время как причины, побудившие Толстого обратиться к тому или иному «недельному чтению», не становились предметом отдельного исследования.

В статье на примере творческой истории одного из «недельных чтений» – «Большой Медведицы (Ковш)» – мы покажем, что выбор текста для «недельного

¹ Литература об афористике «Круга чтения» не столь обширна: среди ключевых исследований в этом направлении следует отметить: [Толстой, 1991; Карлик, 1998; 2012; Кавацца, 1988; Гродецкая, 2012].

Тулякова Анастасия Андреевна – аспирант факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики (Старая Басманная ул., 21/4, Москва, 105066, Россия; anastasia.tulyakova93@gmail.com)

чтения» мог быть продиктован, с одной стороны, реакцией Толстого на социальные проблемы, занимавшие его на протяжении длительного времени, а с другой – религиозными взглядами писателя, зафиксированными в его трактатах. Для этого мы расширим комментарий к «Большой Медведице», уточним ее сходство с оригинальным текстом, а также рассмотрим легенду в культурно-биографическом контексте, подсвечивающем неоднозначное отношение Толстого к мыслителям, чью позицию в отношении религии и этики он в целом разделял. Одним из таких для Толстого оказался известный английский философ и писатель Джон Рескин.

Механизмы включения текста в «Круг чтения» обусловлены либо полемическим ответом Толстого на злободневные проблемы современности [Тулякова, 2017, с. 444–455], либо его солидарностью с писателями, анализирующими эти проблемы в своих произведениях. В обоих случаях автор свода высказывается не открыто, а выражает свою позицию через перевод и переписывание чужих текстов, что позволяет ему обнаруживать сходство мыслей мудрецов всех времен². Этим может объясняться и положение «недельного чтения» относительно других текстов того же дня. Легенда «Большая медведица» напечатана в «Круге чтения» между 4 августа (тема дня – самоотречение) и 5 августа (тема дня – внушение) и примыкает к другому «недельному чтению» – стихотворению в прозе «Воробей» И. С. Тургенева. Оба текста в равной степени соотносимы с идеей любви к ближнему, милосердия и жертвенности. Вероятно, для Толстого в этом случае было существенно соположить русский и переводной тексты (подобное неоднократно встречается в «Круге чтения», например, «Единение» А. Шопенгауэра и «Морское плавание» И. С. Тургенева, «Воспитание» И. Мадзини и «Из письма о воспитании» Л. Толстого и др.), тем самым писатель демонстрирует идейную общность разных литератур поверх национальных, культурных и религиозных различий.

Комментаторы Юбилейного собрания сочинений нашли источник легенды «Большая Медведица» – журнал «Herald of Peace» (год и номер издания не указаны³), а также привели некоторые текстологические сведения, основанные на исследовании автографа текста. Мы дополним уже существующий комментарий новыми данными, которые, как мы полагаем, объясняют, в каком направлении писатель трансформирует чужие тексты и какие причины побудили его обратиться к этой легенде.

Мы просмотрели доступные нам номера «Herald of Peace» на сайте онлайн-библиотеки Гарвардского университета⁴, поиск же в номерах, ближайших к дате перевода легенды (1904), не дал положительных результатов. Однако в английском журнале «Notes and queries and historic magazine» мы обнаружили легенду, которая гипотетически могла стать источником текста, переведенного Толстым с английского языка и помещенного в «Круге чтения». Речь идет о легенде под

² См., например, одно из рассуждений Толстого: «Во все времена, у самых различных народов, великие учителя указывали людям такое благо и такую жизнь, которые точно были благом и точно были жизнью. А так как все люди в одном положении, и для всех одинаково невозможно найти каждому человеку благо для себя одного, то и учения всех мудрецов о том, что есть истинное благо и истинная жизнь, одинаково находят и указывают его не в самом человеке, а вне его [Толстой, 1936, т. 26, с. 887–888].»

³ Комментарий к «Большой Медведице» в Юбилейном собрании сочинений Толстого не позволяет установить, пользовался ли писатель экземпляром журнала, хранящегося в библиотеке, или же комментаторы обнаружили источник текста при комментировании легенды: «Легенда, переведенная Толстым из английского журнала “Herald of Peace”. Сохранился автограф перевода этой легенды, написанный на незаполненной странице письма к Толстому Habenicht из Готы от 1 октября 1904 г.» [Толстой, 1957, т. 42, с. 621].»

⁴ Harvard Library. URL: <http://library.harvard.edu> (дата обращения 20.05.2018).

названием «The legend of the Dipper»⁵ [The Big Dipper, 1898, p. 99], сюжет которой практически соответствует сюжету «Большой Медведицы»⁶. Можно предположить, что именно этот текст – или близкий ему – стал источником «Большой Медведицы». Приведем его целиком.

The legend of the Dipper

There is a pretty legend which tells how the seven stars came to form the dipper.

Once in a country far away, the people were dying of thirst. There had been no rain for several months. The rivers, brooks, and springs had all dried up. The plants and flowers had withered and died. The birds were so hoarse they could not sing. The whole land was sad and mournful.

One night, after the stars had come out, a little girl with a tin dipper in her hand crept quietly out of a house and went into the woods near by. Keeling down under a tree, she folded her hands and prayed that God would send rain, if it were only enough to fill her little dipper. She prayed so long that at last she fell asleep. When she awoke she was overjoyed to find her dipper full of clear, cool water. Remembering that her mother was ill and dying, she did not even wait to moisten her own parched lips, and taking up her dipper she hurried home. In her haste she stumbled, and alas! dropped her precious cup. Just at this time she felt something move in the grass beside her. It was a little dog, who, like herself, had almost fainted for want of water. She lifted her dipper, and what was her surprise to find that not a drop had been spilled. Pouring out a few drops on her hand she held it out for the dog to lick. He did so and seemed much revived; but as she poured out the water the tin dipper had changed to one of beautiful silver. Arriving home as soon as possible, she passed the dipper of water to the servant to give to her dear mother.

“Oh,” said her mother, “I will not take it. I shall not live anyway. You are younger and stronger than I”.

As she gave the servant the dipper it changed into shining gold. The servant was about to give each person in the house a spoonful of the precious water, when she saw a stranger at the door. He looked sad and weary, and she handed him the dipper of water. He took it, saying: “Blessed is he that gives a cup of cold water in His Name”.

A radiance shone all about him and immediately the golden dipper became studded with seven sparkling diamonds. Then it burst forth into a fountain, which supplied the thirsty land with water. The seven diamonds rose higher until they reached the sky, and there they changed into bright stars forming the Great Dipper, telling the story of an unselfish act of a little girl.

Four things a man must learn to do
If he would make his record true:
To think without confusion clearly,
To love his fellow man sincerely,
To act from honest motives purely,
To trust in God and Heaven securely.

⁵ Впервые легенда была опубликована в: [Wiltse, 1890]. Журнальный вариант текста существенно отличается от версии S. E. Wiltse. История републикации легенды в дальнейшем требует отдельного исследования, выходящего за пределы этой работы.

⁶ Примечательно, что номер журнала имеет подзаголовки «Altruism and Idealism» и «The Grand Man», а также на его обложке приведена мудрая мысль: «Rich is that universal self whom thou worshipest as the Soul» (The Vedas), что в переводе звучит как: «Богатый – это универсальное “я”, которому ты поклоняешься, как Душе».

Легенда о Ковше

Существует хорошая легенда, которая рассказывает, как появились семь звезд, сформировавшие ковш.

Когда-то в далекой стране люди умирали от жажды. В течение нескольких месяцев не было дождя. Все реки, ручьи и источники высохли. Растения и цветы завяли и умерли. Птицы были такими хриплыми, что не могли петь. Вся земля была грустной и скорбной.

Однажды ночью, когда взошли звезды, маленькая девочка с оловянным ковшом в руке тихонько выбралась из дома и пошла в ближайший лес. Опустившись под дерево, она сложила руки и стала молиться, чтобы Бог послал дождь, которого было бы достаточно, чтобы наполнить ее маленький ковш. Она так долго молилась, что под конец заснула. Когда она проснулась, она обрадовалась, найдя свой ковш наполненным чистой прохладной водой. Вспомнив, что ее мать была больна и умирала, она даже не смочила свои собственные пересохшие губы и, взяв ковш, поспешила домой. В спешке она споткнулась и, увы! уронила драгоценную чашу. В это время она почувствовала, как что-то двигается в траве рядом с ней. Это была маленькая собачка, которая, как и она, была почти в обмороке из-за нехватки воды. Она подняла свой ковш, и каким было ее удивление, когда она обнаружила, что ни капли не пролилось. Выливая несколько капель на руку, она поднесла ее, чтобы собака лизнула. Та сделала это и стала оживленной; но как только девочка вылила воду, то оловянный ковш превратился в прекрасный серебряный. Придя домой скоро как только возможно, она передала ковш воды слуге, чтобы тот отдал его ее дорогой матери.

«О, – сказала ее мать, – я не возьму его. Я не буду жить. Ты моложе и сильнее меня».

Когда она отдала слуге ковш, он превратился в переливающийся золотой. Слуга собирался дать каждому человеку в доме ложку драгоценной воды, но тут девочка увидела незнакомца у двери. Он выглядел грустным и усталым, и она протянула ему ковш воды. Он взял его, говоря: «Блажен, кто дает чашу холодной воды во имя Его».

Сияние разлилось вокруг него, и сразу золотой ковш усеялся семью сверкающими бриллиантами. Затем из него вырвался фонтан, который оросил истощенную от жажды землю водой. Семь бриллиантов поднимались выше, пока не достигли неба, и там они превратились в яркие звезды, образующие Великую Медведицу и хранящие историю о бескорыстном акте маленькой девочки.

Четыре вещи человек должен научиться делать,
Если он задумает улучшить свою репутацию:
Думать ясно без путаницы,
Искренне любить своего ближнего,
Действовать из честных соображений,
Доверять Богу и Небесам ⁷
(перевод наш. – А. Т.).

⁷ Стоит отметить, что стихотворение, завершающее оригинальную легенду, принадлежит американскому писателю и религиозному деятелю Генри ван Дайку-младшему. Вероятнее всего, текст стихотворения хорошо иллюстрировал ее смысл, поэтому автор, ожививший легенду, прибегнул к нему как приему, подчеркивающему нравоучительный финал.

Перевод Толстого выглядит так:

Большая Медведица (Ковш)

Была давно-давно на земле большая засуха: пересохли все реки, ручьи, колодцы, и засохли деревья, кусты и травы, и умирали от жажды люди и животные.

Раз ночью вышла девочка из дома с ковшиком поискать воды для больной матери. Нигде не нашла девочка воды и с усталости легла в поле на траву и заснула. Когда она проснулась и взялась за ковшик, она чуть не пролила из него воду. Он был полон чистой, свежей воды. Девочка обрадовалась и хотела было напиться, но потом подумала, что не достанет матери и побежала с ковшиком домой. Она так спешила, что не заметила под ногами собачки, споткнулась на нее и уронила ковшик. Собачка жалостно визжала. Девочка хватилась ковшика.

Она думала, что разлила его, но нет, он стоял прямо на своем дне, и вся вода была цела в нем. Девочка отлила в ладонь воды, и собачка всё вылакала и повеселела. Тогда девочка взялась опять за ковшик, он из деревянного стал серебряным. Девочка принесла ковшик домой и подала матери. Мать сказала: «Мне всё равно умирать, пей лучше сама», и отдала ковшик девочке. И в ту же минуту ковшик из серебряного стал золотой. Тогда девочка не могла уже больше удерживаться и только хотела приложиться к ковшику, как вдруг в дверь вошел странник и попросил напиться. Девочка проглотила слюни и поднесла страннику ковшик. И вдруг на ковшике выскочило семь огромных бриллиантов, и из него полилась большая струя чистой, свежей воды.

А семь бриллиантов стали подниматься выше и выше и поднялись на небо и стали Большой Медведицей.

С английского [Толстой, 1957, т. 41, с. 550].

Перечислим основные отличия перевода легенды от ее оригинала. Как видно из сравнительной таблицы, Толстой максимально упростил изложение легенды. Однако некоторые изменения вызваны, как мы полагаем, не только стремлением писателя сделать произведение более ясным в языковом и композиционном отношении.

Стоит отметить, что оригинал легенды предваряет небольшое вступление, которое задает оценку тому, о чем пойдет речь дальше. Таким образом, в тексте появляется образ активного рассказчика, который отсутствует в переводе Толстого. Действие «Большой Медведицы» начинается с описания засухи, которая повлекла за собой беды. Оценка того или иного явления в тексте означала бы обращение к религиозному мотиву, поскольку мораль, заключенная в легенде, напрямую соотносится с Евангелием. Толстой, как мы увидим далее, упраздняет этот мотив. Также в переводе Толстого мотивировки поступков девочки усилены, в то время как в оригинале легенды они становятся очевидными ближе к середине текста. Так, в английском тексте девочка пошла в лес, чтобы отыскать воду, в переводе – принести воды умирающей матери. В оригинальном тексте о матери мы узнаем лишь тогда, когда девочка возвращается домой.

Важным представляется и то, что в оригинале девочка заснула, потому что долго и усердно молилась; в переводе же Толстого девочка не только не молится, но и засыпает от долгих поисков. Таким образом, религиозный мотив в тексте отсутствует, что подтверждает и образ странника, не резюмирующего, как в оригинальной легенде, суть поступков девочки через соотнесение их с этикой милосердия. В толстовском же тексте постоянно присутствует мотив искушения – девочка желает напиться сама, а детские порывы, как правило, приглушаются актом

милосердия, что усиливает самоотверженность героини. В оригинале потребность героини напиться не подается как ее неременное желание. Даже придя домой, она отдает ковш слуге, тем самым предоставляя ему право наделить водой каждого члена семьи.

Различия оригинала легенды о Ковше и ее перевода Л. Толстым
Differences between the original legend of the Dipper
and its translation by L. Tolstoy

Оригинал	Перевод
Вступление рассказчика	Нет вступления рассказчика
Подробное описание природы (в том числе почвы) во время засухи	Сжатое изложение последствий засухи
Не сказано, что девочка пошла за водой для матери	Мотив обозначен сразу – напоить умирающую мать
Девочка заснула, потому что долго молилась	Девочка заснула, потому что устала искать воду
Отсутствует явный мотив искушения – напиться самой	Хочет утолить собственную жажду, однако всякий раз сдерживается из милосердия и жертвенности
Оловянный ковшик	Деревянный ковшик
Эпизод со слугой	Отсутствуют эпизоды со слугой
Реплика странника как мораль легенды	Нет реплики
Подробное описание событий, следующих за появлением странника	Сжатое изложение судьбы семи брильянтов

Наконец, в тексте Толстого отсутствует образ слуги, что вызвано, по всей вероятности, стремлением писателя приблизить происходящее к русским реалиям, а точнее – крестьянским. Об этом же говорит и материал, из которого изготовлен ковш. В тексте Толстого он деревянный, в оригинале – оловянный.

Учитывая эти наблюдения, можно сказать, что Толстой, с одной стороны, дополняет переводной сюжет мотивом испытания – девочка должна пренебречь собственными желаниями во имя желания ближнего⁸, а с другой – убирает религиозные вставки, вместе с которыми из текста исчезает не только божественная детерминированность происходящего – появление воды в ковше как следствие молитвы, но и фигура Бога (напомним, что в оригинале странник отсылает к имени Господа). Можно утверждать, что подобная сюжетная схема могла иметь некоторые преимущества для писателя. Так, вся ответственность за происходящее возлагается на самого человека, а не на Бога; а сопричастность человека миру должна стать органичной его частью, а не быть поощряемой со стороны другого лица. Обе установки соответствуют религиозным представлениям Толстого, основные принципы которых писатель начал разрабатывать уже на первых порах творчества [Густафсон, 2003, с. 66]. Одним из главных представлений Толстого

⁸ Сюжет преодоления ребенком препятствий и вознаграждение за пройденное встречается в текстах Толстого и раньше. Речь идет об «Азбуке», структура произведений которой, как показали Жолковский и Щеглов [2016, с. 39], идентична. Мирная жизнь ребенка сменяется катастрофой, после которой герой ведет себя неадекватно, т. е. не в соответствии с природой, затем он понимает, как следует поступить – предпринимает спасительную акцию, наконец в жизни героя водворяются прежде утраченные покой и радость.

о Боге является апофатическое знание, согласно которому Бог при его существовании оказывается непознаваемым [Густафсон, 2003, с. 104]. Вследствие этого, божественное у Толстого лишено антропоморфных черт, а его постижение возможно только через сопричастность к нему человека. На первое место в своей философии писатель выдвигает «субъективное переживание не выдуманной никем реальности» [Там же, с. 101], понятой в той степени, насколько возможно человеку познать Бога своей жизнью и выполнить свое назначение, т. е. осознать себя частью целого – «это ясное осознание собственного “отношения ко всему бесконечному по времени и пространству миру», понимаемому как одно целое” [Там же, с. 106]. Таким образом, деятельность человека, направленная на приобщение себя к Богу, т. е. ко всему, является основополагающей [Паперный, 2000, с. 800].

Исходя из этого можно сказать, что упоминание Бога, не ставящее целью воссоединиться с ним, не имеет смысла, а лишь метафорически передает «переживание», зависящее от субъективного опыта реальности и потому неточно передаваемое словами. Кроме того, Толстой отрицает «значение личности (Бога и человека) в процессе Богообщения» [Ореханов, 2010, с. 138]⁹. Это означает, что писатель воспринимает процесс сопричастности Богу как «выход личности во всеобщее, внеличностное бытие» [Там же], вследствие которого человек преодолевает собственное «я» и действует согласно универсальному закону всеобщего блага¹⁰. С этой точки зрения демонстрация созидательной деятельности оказывается продуктивнее слов – именно это показывает Толстой, исключая понятие о Боге из легенды и вводя в нее новые мотивы. Постоянное желание девочки напиться самой – не просто искушение, а потенциальное действие, направленное на отделение себя от общности людей – «отделение части, которая любит себя, от остального» [Густафсон, 2003, с. 117] – «отчуждение» по Толстому. Но в момент помощи другим существам героиня тем самым «обретает свое место» [Там же, с. 116] в среде таких же жаждущих, как и она сама. И этот акт милосердия, т. е. сопричастности чужому горю, становится спасением как для самой девочки, так и для людей, находящихся рядом, в свою очередь проявляющих ответный акт жертвенности (мать отдает ковш с водой дочери), вследствие чего спасение приходит ко всем участникам событий (в легенде не говорится о выздоровлении матери, однако фонтан может иметь и символический смысл источника с живой водой). Ребенок, чье сознание в силу возраста не способно приобщиться к Богу через его рациональное понимание, может приблизиться к нему интуитивно, в свою очередь интуитивное представление о реальности – основа метафизики писателя [Там же, с. 106]. Подтверждением того, что девочка неосознанно обращается к Богу, является ее засыпание, вызванное усталостью во время молитвы. Внутренняя беседа с Богом не только не может утомить, по Толстому, но должна стать самоцелью как постоянное стремление воссоединиться с ним. По этой причине писатель устраняет эпизод с молитвой как бессмысленный и противоречащий его мировоззренческим установкам. По этой же причине отсутствует реплика странника, обращающегося к девочке и резюмирующего мораль легенды – ребе-

⁹ Примечательна в этом отношении следующая запись Толстого от 5 мая 1890 г.: «Обращение к Богу как к личности нужно, когда сам себя чувствуешь слабым – личностью; когда силен – не чувствуешь себя личностью и живешь, когда слаб – только просишь. Лицо – прости, помоги мне, лицу» (цит. по: [Ореханов, 2010, с. 138]).

¹⁰ «Аперсонализмом» Толстого [Там же, с. 139] обусловлено и отсутствие в переработке легенды странника, словесно поощряющего поступок девочки, подавшей ему ковш с водой, и тем самым утверждающего идею милосердия во имя Бога. Странник в этом контексте может восприниматься как посредник в Богообщении, что противоречит идее обезличенности Бога и человека в религиозной философии писателя.

нок творит добро не во благо Господа, а по интуитивному чувству, более свойственному его возрасту и сознанию.

Таким образом, изменение не только языка легенды (отсутствие образности и метафоричности, называние предметов такими, какими они есть на самом деле), но и сюжета направлено, с одной стороны, на беспрепятственное и однозначное понимание читателем идеи текста, а с другой – на его переработку в соответствии с идеологией Толстого, отражающей основные положения его философии.

Косвенным подтверждением того, что Толстой осуждал развернуто и эксплицитно присутствующие в любом тексте религиозные мотивы¹¹, служит его оценка творчества Джона Рескина – английского философа и теоретика искусства, этические и социальные взгляды которого Толстой разделял и потому включил его высказывания в «Круг чтения». Не ставя задачей подробно описать в этой работе историю взаимоотношений Толстого и Рескина¹², отметим только, что автор «Круга чтения» с симпатией относился к учению английского публициста. Исключение составляет лишь одно высказывание Толстого в письме к Эйлмеру Моду от 28 июля 1901 г., в котором писатель критикует религиозность Рескина:

Главная черта Рёскина это то, что он никогда не мог вполне освободиться от церковно-христианского мировоззрения. Во время начала его работ по социальным вопросам, когда он писал «Unto this last», он освободился от догматического предания, но туманно-церковно-христианское понимание требований жизни, кот[орое] давало ему возможность соединить этические идеалы с эстетическими, оставалось у него до конца и ослабляло его проповедь; ослабляло ее также искусственность и потому неясность поэтического языка. Не думайте, чтобы я денигрировал (denigrer) деятельность этого великого человека, совершенно верно называемого пророком; я всегда восхищаюсь и восхищался им, но я указываю на пятна, к[оторые] есть и в солнце. Он особенно хорош, когда умный и одинаково с ним настроенный писатель делает из него выписки, как в книге Ruskin et la Bible [Толстой, 1954, т. 73, с. 111].

Отвечая на вопрос, чем вызвана критика Толстого в адрес религиозных настроений Рескина, стоит обозначить некоторые мировоззренческие особенности писателя этого периода¹³. Они позволят углубить понимание причин, по которым автор «Круга чтения» трансформирует легенду о Ковше.

Помещенное за рамкой основного повествования указание на оригинальный язык легенды – английский, а также англоязычный первоисточник текста, как и его религиозно-этическая направленность, свидетельствуют о том, что легенда написана в контексте протестантской традиции, к которой принадлежал Рескин¹⁴. Можно предположить, что именно протестантские идеи, заложенные в легенде и отчетливо прослеживающиеся в работах английского философа, вызвали очевидное неприятие Толстого¹⁵. Среди них – личное Богообщение, представленное

¹¹ Стоит отметить, что речь идет о религиозных убеждениях, не соответствующих представлениям писателя.

¹² До сих пор не существует обширных исследований, описывающих восприятие Толстым идей Рескина. Из работ, частично затрагивающих эту тему, см., напр.: [Mehta, 1969].

¹³ Литература, посвященная этому вопросу, весьма обширна. См., напр.: [Густафсон, 2003; Ореханов, 2010; McLean, 2008; Green, 1981] и др. В данной статье мы ограничиваемся указанием лишь на ключевые аспекты мировоззрения писателя, которые кажутся нам существенными для раскрытия заявленной темы.

¹⁴ В этом случае мы руководствуемся теологической традицией причислять англиканство к протестантизму.

¹⁵ Более подробно об отношении Толстого к протестантской этике см., напр.: [Степанова, 2016].

в тексте в виде обращения девочки к Богу, и приоритет веры над добрыми делами, значение которых в протестантской этике не умаляется, однако и не ставится выше веры как основного способа приближения к прощению и спасению. Очевидно, что именно эти пассажи Толстой либо трансформирует, либо упраздняет в легенде согласно своим мировоззренческим установкам, главными из которых являются деперсонализация Бога и человека и универсальность общего блага, достижимого посредством совершения добрых дел. Эти аспекты религиозного мировидения Толстого восходят к его идее о единой истине, которая должна стать основанием веры. Однако, по мнению писателя, история религии представляет собой нескончаемую борьбу различных вероисповеданий за единоличное право обладать истиной [Степанова, 2016, с. 273]¹⁶. Таким образом, Толстой считает в легенде о Ковше под влиянием Рескина идеи, характерные для определенной христианской конфессии – протестантизма, и правит их из соображений унификации веры, по мнению писателя, единой для всех.

Как видно из высказывания Толстого о Рескине, именно «церковно-христианское мировоззрение» Рескина, соотносимое с церковными догматами, Толстой не одобряет, поскольку видит в этом, как и в церковной политике, препятствие к пониманию человеком простых и ясных вещей, заложенных в религии.

Установка на простоту и индивидуальное приятие религиозного учения – тенденция, обозначенная самим писателем еще во вступлении к «Соединению и переводу четырех Евангелий» (1882):

Отыскивать я буду в этих книгах:

1. То, что мне понятно, потому что непонятному никто не может верить, и знание непонятного равно незнанию.
2. То, что отвечает на мой вопрос о том, что такое я, что такое Бог; и
3. Какая главная, единая основа всего откровения?

И потому я буду читать непонятные, неясные, полупонятные места не так, как мне хочется, а так, чтобы они были наиболее согласны с местами вполне ясными и сводились бы к одной основе [Толстой, 1957, т. 24, с. 17–18].

Из этих принципов Толстого ясно, что упрощаться должна не только идея, но и способ ее выражения – язык. Толстой, осознавая иносказательный и метафорический характер языка, понимал тщетность точного воспроизведения реальности таким способом [Густафсон, 2003, с. 102].

Обращение к творчеству Рескина может также объяснить, почему именно сюжет «Большой медведицы» о милосердии во время засухи мог привлечь внимание Толстого. Мы полагаем, что поводом могло послужить мотивное сходство легенды со сказкой Джона Рескина «Король Золотой реки» (1841), опубликованной в 1851 г. [Ruskin, Doyle, 1851] и впоследствии многократно выходявшей как отдельным изданием [Ruskin, 1873], так и под одной обложкой с другими произведениями Рескина [Ruskin, 1860]. В свою очередь интерес Толстого к сказке мог стать следствием реальных событий, свидетелем которых был сам писатель. Речь идет о засухе в Поволжье и последовавшем за ней голоде в 1873 и 1891–1892 гг.

¹⁶ Степанова Е. А. в своей работе приводит многочисленные цитаты, подтверждающие эту мысль. См., например: «Тысячи преданий, и каждое отрицает, проклинает одно другое и свое считает истинным: католики, лютеране, протестанты, кальвинисты, шекеры, мормоны, грекоправославные, староверы, поповцы, беспоповцы, молокане, менониты, баптисты, скопцы, духоборцы и пр., и пр., все одинаково утверждают про свою веру, что она единая истинная и что в ней одной дух святой, что глава в ней Христос и что все другие заблуждаются... И все знают это, и каждый, исповедующий свою веру за истинную, единую, знает, что другая вера точь в точь так же – палка о двух концах – считает свою истинною, а все другие – ересями» [Толстой, 1957, т. 24, с. 11].

В яснополянской библиотеке сохранились издания ключевых работ Рескина. По цитируемости английский философ превосходит других авторов, упомянутых в «Круге чтения». Учитывая такой интерес к нему Толстого, можно предположить, что с единственным художественным произведением Рескина – сказкой «Король золотой реки» – Толстой также мог быть знаком. Сюжет сказки заключается в следующем.

Благоприятное положение Долины Сокровищ относительно горных потоков позволяло ей процветать даже во времена сильнейших засух. Но однажды долину и ее владельцев постигло несчастье. Долина принадлежала трем братьям – Шварцу, Гансу и Глюку. Старшие братья отличались скупостью и черствостью к чужому горю, в то время как младший брат вырос их полной противоположностью. Шварц и Ганс были не только не отзывчивы к другим людям, но и даже Глюка держали в черном теле, заставляя его много работать. В одну из суровых зим, пока братьев не было дома, к Глюку постучался маленький старичок и попросил обогреться у огня. Братья приказали Глюку никого не впускать в дом, однако Глюк, видя промокшего насквозь старичка, сжалился над ним и пустил. По возвращении недовольные братья грубо попросили гостя уйти. Тот, обидевшись на хозяев, обещал вернуться в полночь. После ночного посещения старика, который оказался Господином Юго-Западным ветром, дом братьев затопило, а Долина Сокровищ превратилась в опустошенную местность с сухим песком вместо плодородной почвы. Решив подзаработать денег, братья становятся золотых дел мастерами. Их изделия в силу низкого качества плохо покупаются, а все заработанные деньги братья пропивают. Однажды, пока Глюк работал, к нему из расплавленной золотой кружки явился Король Золотой реки, который, решив отблагодарить мальчика, рассказал ему о том, как превратить один из водных потоков долины в золотой. Глюк поделился секретом с братьями. Впоследствии и Ганс, и Шварц, осквернив воды источника, превратились в черные камни, а Глюк, который помог всем встречным не умереть от жажды, в награду за свою добродетель получил Долину Сокровищ, возвращенную Золотой рекой к жизни.

Любопытно, что на пути к источнику братья и Глюк встречали живых существ, умирающих от жажды: собачонку, прелестного ребенка и седого старика. Шварц и Глюк были наказаны Королем Золотой реки за то, что не помогли страждущим, в то время как Глюк, жертвуя собственным счастьем, спас их.

Если сопоставить «Большую Медведицу» со сказкой Рескина, то мы увидим, что в сюжетном и мотивном отношении они имеют много общего. Так, девочка из английской легенды помогает собачонке, матери (стоит отметить, что на пути Шварца появляется Ганс, также умирающий от жажды, мимо которого тот проходит) и страннику, а Глюк – собаке, ребенку и старику. Общей будет и награда за добродетель – в обоих текстах положительные герои получают воду в неограниченном количестве – самое ценное в условиях засухи, при этом сама вода бьет из «драгоценного источника» – в английской легенде из золотого ковша, усеянного семью бриллиантами, а в сказке Рескина – из Золотой реки (переливающейся в лучах солнца).

Немаловажным кажется и личный опыт Толстого, организовавшего помощь голодающим, пострадавшим от засухи в 1873 и в 1891–92 гг. [Опульская, 1979]. Среди статей, написанных Толстым в этот период, стоит упомянуть следующие: «Письмо к издателям [О самарском голоде]» (1873), «О голоде» (1891), «Страшный вопрос» (1891), «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» (1891) и др. Деятельность Толстого в это время, направленная на облегчение бедственного положения народа, еще сильнее убедила писателя в необходимости изменений давно сформировавшихся, а потому уже неприемлемых условий крестьянской жизни: «Много я за нынешний год, копаясь во внутренностях народа и пытаясь делать невозможное – помогать деньгами беде людской, многое

я узнал, передумал и более всего проверил и подтвердил известное, а именно, что внешней беды нет, а все беды внутренние. Какая будет развязка, не знаю, но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может, – я уверен» [Толстой, 1953, т. 66, с. 224]. Важно отметить, что высказывания Толстого о причинах голода 1891–1892 гг. нашли отражение и в его статье 1898 г. «Голод или не голод?», в которой писатель рассуждает о нужде крестьян Воронежской губернии. Вопрос о помощи нуждающимся, оставшимся без средств к существованию, тревожил Толстого и в то время, когда он работал над «Кругом чтения» (впервые Толстой задумался о составлении сборника мудрых мыслей на каждый день в 1884 г., в дальнейшем на протяжении более чем двадцати лет писатель развивал свой замысел [Толстой, 1957, т. 42, с. 557]). Примечательно, что помимо материальной помощи, такой как открытие столовых [Толстой, 1954, т. 29, с. 115–116] или продажи хлеба по дешевой цене [Там же, с. 151], Толстой в статье «О голоде» говорит о любви к ближнему как первоначально этой помощи:

Спасает людей от всяких бедствий, в том числе и от голода, *только любовь*. Любовь же не может ограничиваться словами, а всегда выражается делами. Дела же любви по отношению к голодным состоят в том, чтобы отдать из двух кусков и из двух одежд голодному, как это сказано не Христом даже, а Иоанном Крестителем, т. е. в жертве. Для того же, чтобы быть в состоянии это сделать, надо прежде всего видеть холодного и голодного, стать в прямые отношения с ним, разрушить те преграды, которые отделяли нас от него [Там же, с. 110].

Толстой мог заинтересоваться английской легендой о Большой Медведице, поскольку ее проблематика соотносилась сразу с двумя направлениями мысли – с одной стороны, с размышлениями о трагических последствиях засухи и помощи нуждающимся в этих условиях, а с другой – с рецепцией им творчества Рескина, чья сказка о Короле Золотой реки ярко демонстрировала механизмы подобной помощи, основанные прежде всего на любви к ближнему и приобщении через любовь к Богу, что в свою очередь является основой этического учения писателя.

Творческая история «Большой Медведицы» показывает, в каком направлении Толстой правил чужие тексты и под влиянием каких факторов помещал их в «Круг чтения». Работая с «недельным чтением», писатель обращал внимание не только на язык произведения и его идею, но и на тип религиозности и ее дидактический потенциал. Как мы выяснили на примере переработки «Большой медведицы», Толстой последовательно трансформировал те формы религиозного опыта и его репрезентации, какие не соответствовали его философии. Таким образом, наполняемость «Круга чтения» зависела от специфики религиозного видения Толстого, который правил «недельные чтения» не только в стилистическом, но и в идеологическом направлении. Можно предположить, что и другие тексты на религиозные темы в «Круге чтения» подверглись подобным изменениям, однако сопутствующие этому процессу механизмы еще предстоит выяснить.

Список литературы

- Гродецкая А. Г. «Ищи же истину – она этого хочет»: [Предисл.] // Толстой Л. Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб.: Лениздат, 2012.
- Густафсон Р. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Академический проект, 2003.
- Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. *Ex ungue leonem*. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: НЛО, 2016.
- Кавацца А. «Круг чтения» Л. Н. Толстого // Русская речь. 1988. № 6. С. 24–29.

Карлик Н. А. «Круг чтения» Л. Н. Толстого: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Карлик Н. А. Афористика Л. Н. Толстого: Сборник мудрых мыслей «Круг чтения»: Моногр. СПб.: ГПА, 2012.

Опульская Л. Д. Голодный 1891/92 год. Статьи о голоде // Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979. С. 234–268.

Ореханов Г. Л. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой. Конфликт глазами современников. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2010.

Паперный В. М. К вопросу о системе философии Л. Н. Толстого // Лев Толстой: pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 2000.

Степанова Е. А. Лев Толстой и протестантизм // Богословские размышления. 2016. № 17. С. 267–282.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. / Ред. кол.: Н. К. Гудзий, Н. Н. Гусев, Н. К. Пиксанов и др. М; Л.: Худож. лит., 1928–1964. Т. 24. 1957; Т. 26. 1936; Т. 29. 1954; Т. 41. 1957; Т. 42. 1957; Т. 66. 1953; Т. 73. 1954.

Толстой Л. Н. Круг чтения / Сост., вступ. ст. А. Н. Николюкина: В 2 т. М.: Изд-во полит. лит., 1991. Т. 2.

Тулякова А. А. Толстой, Арцыбашев и Вагнер: об одном случае полемики в «Круге чтения» Л. Н. Толстого // Slověne. 2017. Т. 6, № 2. С. 444–455.

Green M. Tolstoy as believer // The Wilson Quarterly. 1981. Vol. 5, No. 2. P. 166–177.

McLean H. In Quest of Tolstoy. Boston, 2008. P. 117–142.

Mehta U. Gandhi, Tolstoy and Ruskin // The Indian Journal of Political Science. 1969. Vol. 30. No. 4. P. 343–349.

Ruskin J., Doyle R. The King of the Golden River; or, the Black Brothers: a Legend of Stiria. London: Smith Elder & Co., 1851. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc2.ark:/13960/t5x63fm25;view=1up;seq=15> (дата обращения 20.05.2018).

Ruskin J. The Two Paths. Chicago: Belford, Clarke and Co, 1860. P. 15–48.

Ruskin J. The king of the Golden River: or, The black brothers: a legend of Stiria. Boston: Lee and Shepard, 1873. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hwp43h;view=1up;seq=11> (дата обращения 20.05.2018).

The Big Dipper // Notes and Queries and Historic Magazine. 1898. Vol. 16. P. 99. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=inu.30000048911840;view=1up;seq=7> (дата обращения 20.05.2018).

Wiltse S. E. Kindergarten Stories and Morning Talks. Boston: Ginn & Company, 1890. P. 54–57.

A. A. Tulyakova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
anastasia.tulyakova93@gmail.com*

**John Ruskin in “The circle of reading” by L. Tolstoy:
on the textual history of the legend “The Big Dipper (Bucket)”**

The paper deals with the textual history of the legend “The Big Dipper (Bucket),” which is part of Leo Tolstoy’s “The Circle of Reading” as one of the “weekly readings.” The study com-

compares the original English text, discovered for the first time, with translation by Tolstoy. The analysis of the legend in the cultural and biographical context shows the ways of Tolstoy's transforming other writers' texts and the reasons for addressing them. It is revealed that Tolstoy's intention to translate this legend may have been due to his interest in John Ruskin's works and in particular his fairy tale "The king of the golden river," that is very similar to the legend. While sharing many Ruskin's ideas, Tolstoy, nevertheless, criticizes his religious views. The paper traces how the writer transformed the religious motifs of legend according to his religious ethics.

Keywords: L. Tolstoy, "The circle of reading," John Ruskin, "weekly readings," legend, religion, drought.

DOI 10.17223/18137083/68/9

References

- Green M. Tolstoy as believer. In: *The Wilson Quarterly*. 1981, vol. 5, no. 2, pp. 166–177.
- Grodetskaya A. G. "Ishchi zhe istinu – ona etogo khochet" ["Seek the truth – she wants it"]. In: Tolstoy L. N. *Mysli mudrykh lyudey na kazhdy den'* [Thoughts of wise people for every day]. St. Petersburg, Lenizdat, 2012.
- Gustafson R. F. *Obitatel' i Chuzhak. Teologiya i khudozhestvennoye tvorchestvo L'va Tolstogo* [Leo Tolstoy, Resident and Stranger: a Study in Fiction and Theology]. St. Petersburg, Akademicheskii proyekt, 2003.
- Kavatsta A. "Krug chteniya" L. N. Tolstogo [L. Tolstoy's "The circle of reading"]. *Russkaya rech'*. 1988, no. 6, pp. 24–29.
- Karlik N. A. "Krug chteniya" L. N. Tolstogo [L. Tolstoy's "The circle of reading"]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1998.
- Karlik N. A. *Aforistika L. N. Tolstogo: sbornik mudrykh mysley "Krug chteniya": Monogr.* [L. Tolstoy's aphoristic works: the volume of wise thoughts "The circle of reading". Monogr.]. St. Petersburg, GPA, 2012.
- McLean H. *In Quest of Tolstoy*. Boston, 2008, pp. 117–142.
- Mehta U. Gandhi, Tolstoy and Ruskin. *The Indian Journal of Political Science*. 1969, vol. 30, no. 4, pp. 343–349.
- Opul'skaya L. D. Golodnyy 1891/92 god. Stat'i o golode [Hungry 1891/92 year. Articles about hunger]. In: Opul'skaya L. D. *Lev Nikolayevich Tolstoy. Materialy k biografii s 1886 po 1892 god* [Leo Tolstoy. Materials for biography from 1886 to 1892]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 234–268.
- Orekhanov G. L. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i L. N. Tolstoy. Konflikt glazami sovremennikov* [The Russian Orthodox Church and L. N. Tolstoy. Conflict through the eyes of contemporaries]. Moscow, Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy inst., 2010.
- Papernyy V. M. K voprosu o sisteme filosofii L. N. Tolstogo [To the question of the system of L. Tolstoy's philosophy]. In: *Lev Tolstoy: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley* [Leo Tolstoy: pro et contra. L. Tolstoy's personality and creativity in the assessment of Russian thinkers and researchers]. St. Petersburg, Izd. Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo inst., 2000.
- Ruskin J., Doyle R. *The King of the Golden River; or, the Black Brothers: a Legend of Stiria*. London, Smith Elder & Co., 1851. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc2.ark:/13960/t5x63fm25;view=1up;seq=15> (accessed 20.05.2018).
- Ruskin J. *The Two Paths*. Chicago, Belford, Clarke and Co, 1860, pp. 15–48.
- Ruskin J. *The king of the Golden River: or, The black brothers: a legend of Stiria*. Boston, Lee and Shepard, 1873. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hwp43h;view=1up;seq=11> (accessed 20.05.2018).
- Stepanova E. A. Lev Tolstoy i protestantizm [Lev Tolstoy and Protestantism]. *Theological Reflections*. 2016, no. 17, pp. 267–282.
- The Big Dipper. *Notes and Queries and Historic Magazine*. 1898, vol. 16, p. 99. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=inu.30000048911840;view=1up;seq=7> (accessed 20.05.2018).
- Tolstoy L. N. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 90 t.* [Collected works of L. N. Tolstoy: in 90 vols]. N. K. Gudziy, N. N. Gusev, N. K. Piksanov (Eds). Moscow, Leningrad, Khudozh. lit.,

1928–1964. Vol. 24, 1957; vol. 26, 1936; vol. 29, 1954; vol. 41, 1957; vol. 42, 1957; vol. 66, 1953; vol. 73, 1954.

Tolstoy L. N. *Krug chteniya: V 2 t. T. 2* [The circle of reading: in 2 vols. Vol. 2]. A. N. Nikol'yukin (Comp.). Moscow, Izd. polit. lit., 1991.

Tulyakova A. A. Tolstoy, Artsybashev i Vagner: ob odnom sluchaye polemiki v “Kruge chteniya” L. N. Tolstogo [Tolstoy, Artsybashev i Vagner: about one case of polemics in Tolstoy’s “The circle of reading”]. *Slověne*. 2017, vol. 6, no. 2, pp. 444–455.

Wiltse S. E. *Kindergarten Stories and Morning Talks*. Boston, Ginn & Company, 1890, pp. 54–57.

Zholkovskiy A. K., Shcheglov Yu. K. *Ex ungue leonem. Detskiye rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti* [Ex ungue leonem. L. Tolstoy’s stories for children and poetics of expressiveness]. Moscow, NLO, 2016.